

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Повесть о любящем и любимом

Повесть о любящем и любимом, ночи 110-118

Повесть о любящем и любимом, ночи 119-128

Сто девятнадцатая ночь

Когда же настала сто девятнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до маня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: "Когда я хотел уйти, она схватила меня и сказала: "Постой, я тебе что то расскажу и дам тебе наставление".

И я остановился, а она развязала платок и, вынув оттуда этот лоскут, разостлала его передо мною, и я увидел там изображение газели вот такого вида, и до крайности удивился и взял его. И мы с кою условились, что я буду приходить к ней каждую ночь в этот сад, а потом я ушел от нее радостный и от радости забыл тот стих, который мне поручила сказать дочь моего дяди. А та женщина, давая мне лоскут с изображением газели, сказала:

"Это работа моей сестры". – "Как же имя твоей сестры?" – спросил я ее, и она ответила: "Ее имя – Нураль-Худа; храни этот лоскут". И я простился с нею, и удалился радостный, и пошел, а войдя к дочери моего дяди, я увидел, что она лежит; но, увидав меня, она встала (а слезы ее лились) и подошла ко мне, и поцеловала меня в грудь, и спросила: "Сделал ли ты так, как я тебе поручила, и сказал ли стих?" – "Я забыл его, и меня от него отвлекло не что иное, как изображение этой газели", – ответил я и кинул лоскут перед Азизой, а она поднялась и села, будучи не в состоянии терпеть, и, проливая из глаз слезы, сказала такие два стиха:

"К разлуке стремящийся, потише!

Не дай обмануть тебя объятьям!

Потише! Обман ведь свойствен року,

И дружбы конец – всегда разлука".

А окончив говорить стихи, она сказала: "О сын моего дяди, подари мне этот лоскуток!" И я подарил его ей, а она взяла его и разостлала и увидела, что на нем. А когда мне пришло время уходить, дочь моего дяди сказала: "Иди, сопровождаемый благополучием, а когда будешь уходить от нее, скажи ей стих из стихотворения, который я тебе сказала раньше, а ты его забыл". – "Повтори его!" – сказал я ей; и она повторила, и после этого я пошел в сад и поднялся в помещение, где нашел эту женщину ожидающей. И, увидев меня, она поднялась, поцеловала меня и посадила к себе на колени, и мы поели и выпили и удовлетворили свои желания, как раньше, а когда наступило утро, я сказал ей тот стих, то есть:

"О люди влюбленные. Аллахом прошу сказать,

Что делает молодец, коль сильно полюбит он?"

И когда она услышала его, из глаз ее пролились слезы, и она сказала:

"Скрывает он страсть свою и тайну хранит свою,

И терпит во всех делах смиренно и стойко он".

А я запомнил этот стих, радуясь, что исполнил просьбу дочери моего дяди, и вышел, и, придя к ней, нашел ее лежащей, а моя мать сидела у ее изголовья и плакала о том, что с ней случилось. И когда я вошел к Азизе, моя мать сказала мне: "Пропади ты, о двоюродный брат! Как это ты оставляешь дочь своего дяди, когда ей нехорошо, и не спрашиваешь о ее болезни!"

А дочь моего дяди, увидя меня, подняла голову и села и спросила: "О Азиз, сказал ли ты ей стих, который я говорила тебе?" – "Да", – отвечал я ей; и, услышав его, она заплакала, и она сказала мне другой стих, а я его запомнил. "Скажи мне его", – попросила Азиза; и когда я сказал ей стих, она горько заплакала и произнесла такое двестишестое:

"Но как же скрывать ему, коль страсть ему смерть несет

И сердце его что день, то вновь разрывается?

Стремился к терпенью он смиренно, но мог найти

Лишь боль для души своей, любовью истерзанной.

Когда ты войдешь к ней, как обычно, скажи ей эти два стиха, которые ты услышал", – сказала дочь моего дяди; а я ответил ей: "Слушаю и повинуюсь". И затем я пошел к ней, как всегда, в сад, и между нами было то, что было, и описать это бессилен язык. А собираясь уйти, я сказал ей те два стиха до конца, и когда она их услышала, слезы потекли у нее из глаз, и она произнесла слова поэта:

"А если он не найдет терпенья, чтобы тайну скрыть,

По-моему, только смерть пристойна тогда ему".

И я запомнил этот стих и пошел домой, а войдя удочери моего дяди, я увидел, что она лежит без чувств, а моя мать сидит у нее в головах. Но, услышав мой голос, Азиза открыла глаза и спросила: "О Азиз, сказал ли ты ей стихи?" – "Да", – отвечал я; и, услышав их, она сказала мне такой стих: "А если он не найдет..." и так далее. И когда дочь моего дяди услышала его, она вторично лишилась чувств, а очнувшись, она произнесла два таких стиха:

"Я слышу и слушаюсь! Умру! Передайте же

Привет от меня тому, кто счастья лишил меня.

Во здравье да будет тем, кто счастливы, счастье их,

А бедной влюбившейся лишь скорбь суждено глотать".

А потом, когда настала ночь, я отправился, по обыкновению, в сад и нашел ту женщину ожидающей меня. Мы сели, поели и выпили, и сделали наше дело, и проспали до утра, а собираясь уйти, я повторил ей то, что сказала дочь моего дяди; и, услышав это, она испустила

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

громкий крик и расстроилась и сказала: "Ах, клянусь Аллахом, та, что сказала эти стихи, умерла!" – и она заплакала и спросила: "Горе тебе, в каком ты родстве со сказавшей этот стих?" – "Она дочь моего дяди", – отвечал я. И женщина воскликнула: "Ты лжешь, клянусь Аллахом! Если бы она была дочерью твоего дяди, ты бы испытывал к ней такую же любовь, как она к тебе! Это ты ее убил. Убей тебя Аллах, как ты убил ее! Клянусь Аллахом, если бы ты рассказал мне, что у тебя есть двоюродная сестра, я не приблизила бы тебя к себе!" – "О, она толковала мне знаки, которые ты мне делала, и это она научила меня, как мне с тобою сблизиться и как поступать с тобою. Если бы не она, я бы не достиг тебя", – сказал я. "Разве она знала про пас?" – спросила женщина; и я сказал: "Да". И тогда она воскликнула: "Да погубит Аллах твою молодость, как ты ей погубил ее юность! Иди посмотри на нее", – сказала она потом. И я пошел с расстроенным сердцем и шел до тех пор, пока не достиг нашего переулка. И я услышал вопли и спросил, что такое, и мне сказали: "Мы нашли Азизу за дверью мертвой".

И я вошел в дом, и, увидя меня, моя мать сказала: "Грех за нее на твоей совести и лежит на твоей шее!

Да не отпустит тебе Аллах ее крови..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста двадцати

Когда же настала ночь, дополняющая до ста двадцати, она сказала: дошло до меня, о счастливый царь, что юный Азиз говорил Тадж-аль-Мулуку: "И я вошел в дом, и, увидя меня, моя мать сказала: "Грех за нее на твоей совести! Да не отпустит тебе Аллах ее крови! Пропади ты, о двоюродный брат!"

А потом пришел мой отец, и мы обрядили Азизу, и вынесли ее, и проводили носилки на кладбище, где ее закопали; и мы устроили над ее могилой чтения Корана и пропели у могилы три дня. И затем мы вернулись и пришли домой, и я грустил о ней, и моя мать подошла ко мне и сказала: "Я хочу знать, что ты с ней такое сделал, что у нее лопнул желчный пузырь! О дитя мое, я все время ее спрашивала, отчего она больна, но она ничего мне не сообщила и не рассказала мне ни о чем. Заклинаю тебя Аллахом, расскажи же мне, что ты с ней сделал, почему она умерла". – "Я ничего не сделал", – отвечал я. И моя мать воскликнула: "Да отомстит тебе за нее Аллах! Она ничего не сказала мне, но скрывала свое дело, пока не умерла, простив тебе; и когда она умирала, я была у нее, и она открыла глаза и сказала мне: "О жена моего дяди, да сочтет Аллах твоего сына неповинным за мою кровь и да не взыщет с него за то, что он со мной сделал! Аллах только перенес меня из преходящей обители здешней жизни в вечную обитель будущей жизни!" И я сказала ей: "О дочь моя, да сохранит он тебя и твою юность!" – и стала ее расспрашивать, почему она захворала, но она ничего не сказала, а потом улыбнулась и молила: "О жена моего дяди, скажи моему сыну, когда он захочет уйти туда, куда уходит каждый день, чтобы он, уходя оттуда, сказал такие два слова: "Верность прекрасна, измена дурна!" В этом моя защита для него, чтобы я была за него заступницей и при жизни и после смерти". Потом она дала мне для тебя одну вещь и заставила меня поклясться, что я тебе ее дам, только если увижу, что ты плачешь о ней и рыдаешь; и эта вещь у меня, и когда я увижу тебя в таком состоянии, как она сказала, я отдам ее тебе".

И я попросил: "Покажи мне ее", но моя мать не согласилась, а потом я отвлекся мыслью о наслаждениях и не вспоминал о смерти дочери моего дяди, так как был легкомыслен и хотел проводить целые ночи и дни у моей возлюбленной. И едва я поверил, что пришла ночь, как пошел в сад и нашел эту женщину точно на горячих сковородках от долгого ожидания.

И едва она меня увидела, как уцепилась за меня и поспешила броситься мне на шею и спросила про дочь моего дяди; а я ответил: "Она умерла, и мы устроили по ней поминанья и чтения Корана, и после ее смерти прошло уже четыре ночи, а сегодня – пятая".

И, услышав это, она закричала, заплакала и воскликнула: "Не говорила ли я тебе, что ты убил ее! Если бы ты рассказал мне о ней до ее смерти, я бы, наверное, вознаградила ее за милость, которую она мне сделала. Она сослужила мне службу и привела тебя ко мне, и если бы не она, мы бы с тобой не встретились. Я боюсь, что тебя постигнет несчастье за грех, который ты совершил с нею". – "Она сняла с меня вину перед смертью", – ответил я и рассказал ей о том, что сообщила мне мать; и тогда женщина воскликнула: "Ради Аллаха, когда пойдешь к твоей матери, узнай, что у нее за вещи!" – "Моя мать говорила, – сказал я, – что дочь моего дяди перед смертью дала ей поручение и сказала: "Когда твой сын захочет пойти в то место, куда он обычно уходит, скажи ему такие два слова: "Верность прекрасна, измена дурна".

И женщина, услышав это, воскликнула: "Да помилует ее Аллах великий! Она избавила тебя от меня, а я задумала причинить тебе вред. Но теперь я не стану вредить тебе и тебя расстраивать!" И я удивился этому и спросил: "Что ты хотела раньше со мною сделать, хотя между нами возникла любовь?" И она отвечала: "Ты влюблен в меня, но ты молод годами и прост и в твоём сердце нет обмана, так что ты не знаешь нашего коварства и козней. Будь она жива, она, наверное, была бы тебе помощницей, так как она виновница твоего спасения и спасла тебя от гибели. А теперь я дам тебе наставление: не говори, не заговаривай ни с кем из подобных нам, ни со старой, ни с молодой. Берегись и еще раз берегись: ты простак и не знаешь козней женщин и их коварства. Та, что толковала тебе знаки, умерла, и я боюсь, что ты попадешь в беду и не встретишь никого, кто бы спас тебя от нас после смерти дочери твоего дяди..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать первая ночь

Когда же настала сто двадцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: "И женщина сказала мне: "Я боюсь, что ты попадешь в беду и не встретишь никого, кто бы освободил тебя от нее. О печаль моя по дочери твоего дяди! О, если бы я знала ее раньше ее смерти, чтобы воздать ей за добро, которое она мне сделала! Я навещу ее могилу, да помилует ее Аллах великий! Она скрыла свою тайну и не выдала того, что знала, и если бы не она, ты бы никогда не достиг меня. Я хочу от тебя одну вещь". – "Какую?" – спросил я; и она сказала: "Вот какую: приведи меня к ее могиле, чтобы я могла посетить ее гробницу, где она лежит, и написать на ней стихи". – "Завтра, если захочет Аллах великий", – ответил я, и затем я пролежал с нею эту ночь, и она через каждый час говорила мне: "О, если бы ты рассказал мне о дочери твоего дяди раньше ее смерти!" – "А что значат эти слова, которые она сказала: "Верность прекрасна, измена дурна"??) – спросил я; но она мне не ответила.

А когда настало утро, она поднялась и, взяв мешок с динарами, сказала мне: "Встань и покажи мне ее могилу, чтобы я могла ее посетить и написать на ней стихи. Я построю над могилой купол и призову на Азизу милость Аллаха, а эти деньги я раздам как милостыню за ее душу". – "Слушаю и повинуюсь", – отвечал я ей и затем пошел впереди нее, а она пошла за мною и стала раздавать милостыню, идя по дороге; и, подавая милостыню, она каждый раз говорила: "Это милостыня за душу Азизы, которая скрывала тайну, пока не выпила чашу гибели, но она не открыла тайны своей любви". И она все время раздавала деньги из мешка, говоря: "За душу Азизы", пока не вышло все, что было в мешке. И мы дошли до могилы, и, увидав могилу, она заплакала и бросилась на нее, а затем она вынула стальной резец и маленький молоточек и стала чертить тонким почерком по камню, лежавшему в изголовье гробницы. И она вывела на камне такие стихи:

Могилу увидел я в саду обветшалую,

Цветов анемона семь на ней выросло.

Спросил: "Чья могила здесь?" Земля мне ответила:

"Будь вежлив! В могиле той влюбленный покоится".

Я молвил: "Храни Аллах, о жертва любви, тебя,

И дай тебе место он в раю, в вышних горницах",

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Несчастливы влюбленные! На самых могилах их

Скопился прах низости, забыты людьми они.

Коль мог бы, вокруг тебя развел бы я пышный сад

И всходы поил бы я слезами обильными".

И потом она ушла, плача, и я пошел с нею в сад, а она сказала мне: "Ради Аллаха, не удаляйся от меня никогда!" И я отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

И потом я усердно стал посещать ее и заходить к ней, и всякий раз, когда я у нее ночевал, она была со мной добра, и оказывала мне почет, и спрашивала о словах, которые дочь моего дяди, Азиза, сказала моей матери, а я повторял их ей. И я продолжал так жить, поедая, выпивая, сжимая, обнимая и меняя платье из мягких одежд, пока я не потолстел и не разжирел, и не было у меня ни заботы, ни печали, и я забыл о своей двоюродной сестре.

И так продолжалось целый год. А в начале нового года я пошел в баню, и привел себя в порядок, и надел роскошное платье, а выйдя из бани, я выпил кубок вина и стал нюхать благовоние моих одежд, облитых всевозможными духами, – и на сердце у меня было легко, и не знал я обманчивости времени и превратностей случая. А когда пришло время ужина, мне захотелось отправиться к той женщине, и я был пьян и не знал, куда мне идти.

И я пошел к ней, и хмель увел меня в переулок, называемый переулком Начальника; и, проходя по этому переулку, я посмотрел и вдруг вижу: идет старуха, и в одной руке у нее горящая свеча, а в другой свернутое письмо..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать вторая ночь

Когда же настала сто двадцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша, по имени Азиз, говорил Тадж-аль-Мулуку: "И, войдя в переулок, называемый переулком Начальника, я посмотрел и вдруг вижу – идет старуха, и в одной руке у нее горящая свеча, а в другой свернутое письмо. И я подошел к ней и вдруг вижу – она плачет и говорит такие стихи:

"Посланник с прощением, приют и уют тебе!

Приятно как речь твою мне слышать и сладостно!

О ты, что принес привет от нежно любимого,

Аллах да хранит тебя, нока будет ветер дуть!"

И, увидев меня, она спросила: "О дитя мое, умеешь ли ты читать?" И я ответил ей по своей болтливости: "Да, старая тетушка". И тогда она сказала: "Возьми это письмо и прочти мне его", – и подала мне письмо. И я взял письмо и развернул его и прочитал ей, и оказалось, что в этом письме содержится от отсутствующих привет любимым!

И, услышав это, старуха обрадовалась и развеселилась и стала благословлять меня, говоря: "Да облегчит Аллах твою заботу, как ты облегчил мою заботу!" – а затем она взяла письмо и прошла шага два. А мне приспело помочиться, и я сел на корточки, чтобы отлить воду, и потом поднялся, обтерся, опустил полы платья и хотел идти, – как вдруг старуха подошла ко мне и, наклонившись к моей руке, поцеловала ее и сказала: "О господин, да сделает господь приятной твою юность! Прошу тебя, пройди со мною несколько шагов до этих ворот. Я передала своим то, что ты сказал мне, прочтя письмо, но они мне не поверили; пройди же со мною два шага и прочти им письмо из-за двери и прими от меня праведную молитву". – "А что это за письмо?" – спросил я. "О дитя мое, – отвечала старуха, – оно пришло от моего сына, которого нет со мной уже десять лет. Он уехал с товарами и долго пробыл на чужбине, так что мы перестали надеяться и думали, что он умер, а потом, спустя некоторое время, к нам пришло от него это письмо. А у него есть сестра, которая плачет по нем в часы ночи и дня, и я сказала ей: "Он в добром здоровье"; но она не поверила и сказала: "Обязательно приведи ко мне кого-нибудь, кто прочитает это письмо при мне, чтобы мое сердце уверилось и успокоился мой ум". А ты знаешь, о дитя мое, что любящий склонен к подозрению; сделай же мне милость, пойдй со мной и прочти это письмо, стоя за занавеской, а я кликну его сестру, и она послушает из-за двери. Ты облегчишь наше горе и исполнишь нашу просьбу; сказал ведь посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!): "Кто облегчит огорченному одну горесть из горестей мира, тому облегчит Аллах сотню горестей"; а другое изречение гласит: "Кто облегчит брату своему одну горесть из горестей мира, тому облегчит Аллах семьдесят две горести из горестей дня воскресенья". Я направилась к тебе, не обмани же моей надежды".

"Слушаю и повинуюсь, ступай вперед", – сказал я; и она пошла впереди меня, а я прошел за нею немного и пришел к воротам красивого большого дома (а ворота его были выложены полосами красной меди). И я остановился за воротами, а старуха крикнула по-иноземному; и не успел я очнуться, как прибежала какая-то женщина с легкостью и живостью, и платье ее было подобрано до колен, и я увидел пару ног, смущающих мысли и взор. И она была такова, как сказал поэт:

О, платье поднявшая, чтобы ногу увидеть мог

Влюбленный и мог понять, как прочее дивно.

Бежит она с чашею навстречу любимому,

Людей искушают ведь лишь чаша и кравчий.

И ноги ее, подобные двум мраморным столбам, были украшены золотыми браслетами, усыпанными драгоценными камнями. А эта женщина засучила рукава до подмышек и обнажила руки, так что я увидел ее белые запястья, а на руках ее была пара браслетов на замках с большими жемчужинами и на шее ожерелье из дорогих камней. И в ушах ее была пара жемчужных серег, а на голове платок из полосатой парчи, окаймленный дорогими камнями; и она заткнула концы рубашки за пояс, как будто бы только что работала. И, увидав ее, я был ошеломлен, так как она походила на сияющее солнце, а она сказала нежным и ясным голосом, слаще которого я не слышал: "О матушка, это он пришел читать письмо?" – "Да", – отвечала старуха. И тогда девушка протянула мне руку с письмом, а между нею и дверью было с полшеста расстояния [182], и я вытянул руку, желая взять у нее письмо, и просунул в дверь голову и плечи, чтобы приблизиться к ней и прочесть письмо; и не успел я очнуться, как старуха уперлась головой мне в спину и втокнула меня (а письмо было у меня в руке), и, сам не знаю как, я оказался посреди дома и очутился в проходе. А старуха вошла быстрее разящей молнии, и у нее только и было дела, что запереть ворота..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать третья ночь

Когда же настала сто двадцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша Азиз говорил Тадж-аль-Мулуку: "Когда старуха втокнула меня, я не успел очнуться, как оказался в проходе, старуха вошла быстрее разящей молнии, и у нее только и было дела, что запереть ворота. Женщина же, увидев, что я внутри дома, подошла ко мне и прижала меня к груди и опрокинула на землю, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

села на меня верхом и так сжала мне живот руками, что я обмер, а затем она обхватила меня руками, и я не мог от нее освободиться, потому что она меня сильно сжала. И потом она повела меня (а старуха шла впереди с зажженной свечой), и мы миновали семь проходов, и посла того она пришла со мною в большую комнату с четырьмя портиками, под которыми могли бы играть в мяч всадники. И тогда она отпустила меня и сказала: "Открой глаза!" И я открыл глаза, ошеломленный оттого, что она меня так сильно сжимала и давила, и увидел, что комната целиком построена из прекраснейшего мрамора, и вся устлана шелком и парчой, и подушки и сиденья в ней такие же. И там были две скамейки из желтой меди и ложе из червонного золота, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и сиденья, и это был дом благоденствия, подходящий лишь для такого царя, как ты.

"О Азиз, – спросила она меня потом, – что тебе любезнее, смерть или жизнь?" – "Жизнь, – ответил я. И она сказала: "Если жизнь тебе любезнее, женись на мне". – "Мне отвратительно жениться на такой, как ты", – воскликнул я, но она ответила: "Если ты на мне женишься, то спасешься от дочери Далилы–Хитрицы".

"А кто такая дочь Далилы–Хитрицы?" – спросил я; и она, смеясь, воскликнула: "Это та, с кем ты дружишь к сегодняшнему дню год и четыре месяца, да погубит ее Аллах великий и да пошлет ей того, кто сильнее ее! Клянусь Аллахом, не найдется никого коварнее ее! Сколько людей она убила до тебя и сколько натворила дел! Как это ты спасся от нее, продружив с нею все это время, и как она тебя не убила и не причинила тебе горя!"

Услышав ее слова, я до крайности удивился и воскликнул: "О госпожа моя, от кого ты узнала о ней?" – "Я знаю ее так, как время знает свои несчастья, – отчала она, – но мне хочется, чтобы ты рассказал мне все, что у тебя с ней случилось, и я могла бы узнать, почему ты от нее спасся".

И я рассказал ей обо всем, что произошло у меня с той женщиной и с дочерью моего дяди Азизой, и она призвала на нее милость Аллаха, и глаза ее прослезились.

Она ударила рукой об руку, услышав о смерти моей двоюродной сестры Азизы, и воскликнула: "На пути Аллаха погибла ее юность! Да воздаст тебе Аллах за нее добром! Клянусь Аллахом, о Азиз, она умерла, а между тем она – виновница твоего спасения от дочери ДалилыХитрицы, и если бы не она, ты бы, наверное, погиб.

Я боюсь за тебя из–за ее коварства, но мой рот закрыт, и я не могу говорить". – "Да, клянусь Аллахом, все это случилось", – сказал я. И она покачала головой и воскликнула: "Не найдется теперь такой, как Азиза!"

"А перед смертью, – сказал я, – она завещала мне сказать той женщине два слова, не более, а именно:

"Верность прекрасна, измена дурна".

Услышав это, женщина вскричала: "Клянусь Аллахом, о Азиз, эти–то два слова и спасли тебя от нее и от убиения ее рукой! Теперь мое сердце успокоилось за тебя: она уже тебя не убьет. Твоя двоюродная сестра выручила тебя и живая и мертвая. Клянусь Аллахом, я желала тебя день за днем, но не могла овладеть тобою раньше, чем теперь, когда я с тобою схитрила и хитрость удалась. Ты пока еще простак, не знаешь коварства женщин и хитростей старух". – "Нет, клянусь Аллахом!" – воскликнул я. И она сказала: "Успокой свою душу и прохлады глаза! Мертвый успокоен, а живому будет милость! Ты – красивый юноша, и я хочу иметь тебя только по установления Аллаха и его посланника (да благословит его Аллах и да приветствует!). Чего ты ни захочешь из денег или тканей, все быстро к тебе явится, и я не буду ничем утруждать тебя. И хлеб у меня тоже всегда испечен, и вода – в кувшине, и я только хочу от тебя, чтобы ты делал со мною то, что делает петух". – "А что делает петух?" – спросил я; и она засмеялась и захлопала в ладоши, и смеялась так сильно, что упала навзничь, а потом она села прямо и воскликнула: "О свет моих глаз, разве ты не знаешь ремесла петуха?" – "Нет, клянусь Аллахом, я не знаю ремесла петуха", – ответил я. И она сказала: "Вот ремесло петуха: ешь, пей и топчи!"

И я смутился от ее слов, а потом спросил: "Это ремесло петуха?" А она сказала: "Да, и теперь я хочу от тебя, чтобы ты затянул пояс, укрепил решимость и любил изо всей мочи". И она захлопала в ладоши и крикнула: "О матушка, приведи тех, кто у тебя находится". И вдруг старуха пришла с четырьмя правомочными свидетелями, неся кусок шелковой материи.

И она зажгла четыре свечи, а свидетели, войдя, приветствовали меня и сели; и тогда женщина встала и закрылась плащом и уполномочила одного из свидетелей заключить брачный договор. И они сделали запись, а женщина засвидетельствовала, что она получила все приданое, предварительное и последующее, и что на ее ответственности десять тысяч дирхемов моих денег..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать четвертая ночь

Когда же настала сто двадцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж–аль–Мулуку! "И когда написали запись, она засвидетельствовала, что получила все приданое, предварительное и последующее, и что на ее ответственности десять тысяч дирхемов моих денег, а затем она дала свидетелям их плату, и они ушли откуда пришли. И тогда женщина ушла и, сняв с себя платье, пришла в тонкой рубашке, обшитой золотой каймой, и взяла меня за руку, и поднялась со мной на ложе, говоря: "В дозволенном нет срама".

А потом мы проспали до утра, и я хотел выйти, но вдруг она подошла и сказала, смеясь: "Ой, ой! – ты думаешь, что входят в баню так же, как выходят из нее [183]. Ты, наверное, считаешь меня такой же, как дочь Далилы–Хитрицы. Берегись таких мыслей! Ты ведь мой муж по писанию и установлению, а если ты пьян, то отрезвись и образумься! Этот дом, где ты находишься, открывается лишь на один день каждый год. Встань и посмотри на большие ворота".

И я подошел к большим воротам и увидел, что они заперты и заколочены гвоздями, и, вернувшись к ней, я рассказал ей, что они заколочены и заперты, а она сказала: "О Азиз, у нас хватит муки, крупы, плодов, гранатов, сахару, мяса, баранины, кур и прочего на много лет, и с этой минуты ворота откроются только через год. Я знаю, что ты увидишь себя выходящим отсюда не раньше чем через год". – "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!" – воскликнул я. И она сказала: "А чем же здесь тебе плохо, если ты знаешь ремесло петуха, о котором я тебе говорила?"

И она засмеялась, и я также засмеялся и послушался ее и сделал, что она сказала. И я стал у нее жить и исполнял ремесло петуха: ел, пил и любил, пока не прошел год – двенадцать месяцев. А когда год исполнился, она понесла от меня, и я получил через нее сына.

А в начале следующего года я услышал, что открывают ворота. И вдруг люди внесли хлебцы, муку и сахар. И я хотел выти, но она сказала мне: "Потерпи до вечерней поры, и как вошел, так и выйди". И я прождал до вечерней поры и хотел выйти, испуганный и уstraшенный, и вдруг она говорит: "Клянусь Аллахом, я не дам тебе выйти, пока не возьму с тебя клятву, что ты вернешься сегодня ночью, раньше чем запрут ворота".

Я согласился на это, и она взяла с меня верные клятвы, мечом, священным списком и разводом [184], что я вернусь к ней, а потом я вышел от нее и отправился в тот сад. И я увидел, что ворота его открыты, как всегда, и рассердился и сказал про себя: "Я отсутствовал целый год и пришел внезапно и вижу, что здесь открыто, как прежде. Я обязательно войду и погляжу, прежде чем пойду к своей матери, – теперь ведь время вечернее", и я вошел в сад..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать пятая ночь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда же настала сто двадцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Азиз говорил Тадж-аль-Мулуку: "И я вошел в сад и шел, пока не пришел в ту комнату, и я увидел, что дочь Далилы-Хитрицы сидит, положив голову на колени и подперев щеку рукою, и цвет ее лица изменился и глаза впали. И, увидев меня, она сказала: "Слава Аллаху за спасение!" – и хотела подняться, но упала от радости; и я устыдился ее и опустил голову. А потом я подошел к ней, поцеловал ее и спросил: "Как ты узнала, что я приду к тебе сегодня вечером?" – "Я не знала об этом, – сказала она. – Клянусь Аллахом, вот уж год, как я не ведаю вкуса сна и не вкушаю его! Каждую ночь я бодрствую в ожидании тебя, и это со мною случилось с того дня, как ты от меня ушел и я дала тебе платье из новой ткани и ты обещал, что сходишь в баню и придешь. Я просидела, ожидая тебя, первую ночь и вторую ночь и третью ночь, а ты пришел только после такого долгого времени. Я постоянно жду твоего прихода, таково уж дело влюбленных. Я хочу, чтобы ты рассказал мне, почему ты отсутствовал весь этот год".

И я рассказал ей. И когда она узнала, что я женился, ее лицо пожелтело, а потом я сказал: "Я пришел к тебе сегодня вечером и уйду раньше, чем взойдет день". И она воскликнула: "Недостаточно ей того, что она устроила с тобой хитрость и вышла за тебя замуж и заточила у себя на целый год! Она еще взяла с тебя клятву разводом, что ты вернешься к ней этой ночью, раньше наступление дня, и ее душа не позволяет тебе повеселиться у твоей матери или у меня! Ей не легко, чтобы ты провел у кого-нибудь из нас одну ночь, вдали от нее, так какво же той, от кого ты ушел на целый год, хотя я и знала тебя раньше, чем она. Но да помилует Аллах дочь твоего дяди Азизу! С ней случилось то, что не случилось ни с кем, и она вынесла то, что никто не вынес, и умерла обиженная тобою. А это она защитила тебя от меня. Я думала, что ты меня любишь, и отпустила тебя, хотя могла и не дать тебе уйти целым и с жирком и была в силах тебя заточить и погубить".

И она горько заплакала, и разгневалась, и, вся ошетинившись, посмотрела на меня гневным взором. И когда я увидел ее такую, у меня затряслись поджилки, и я испугался ее, и она стала точно ужасная гуль, а я стал точно боб на огне. А потом она сказала: "Нет мне больше от тебя проку, после того как ты женился и у тебя появился ребенок; ты не годишься для дружбы со мною, так как мне будет польза только от холосого, а женатый мужчина – тот не принес нам никакой пользы. Ты продал меня за этот вонючий пучок цветов! Клянусь Аллахом, я опечалю через тебя эту распутницу, и ты не достанешься ни мне, ни ей!"

Потом она издала громкий крик, и не успел я очнуться, как пришли десять невольниц и бросили меня на землю; и когда я оказался у них в руках, она поднялась, взяла нож и воскликнула: "Я зарежу тебя, как режут козлов, и это будет тебе самым малым наказанием за то, что ты сделал со мною и с дочерью твоего дяди раньше меня".

И, увидев, что я в руках ее невольниц и щеки мои испачканы пылью и рабыни точат нож, я уверился в своей смерти..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать шестая ночь

Когда же настала сто двадцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану: "И юноша Азиз говорил Тадж-аль-Мулуку: "И, увидев, что я в руках ее невольниц и щеки мои испачканы пылью и рабыни точат нож, я уверился в своей смерти и воззвал к этой женщине о помощи, но она стала лишь еще более жестока и приказала невольницам скрутить меня. И они скрутили меня и, бросив на спину, сели мне на живот и схватили меня за голову, и две невольницы сели мне на колени, а две другие взяли меня за руки, она же встала с двумя невольницами и приказала им меня бить. И они били меня, пока я не обеспамятел и не ослаб мой голос, а очнувшись, я сказал про себя: "Поистине, умереть зарезанным лучше и легче, чем эти побои!" И я вспомнил слова дочери моего дяди, которая говорила: "Да избавит тебя Аллах от ее зла!" – и стал кричать и плакать, пока не прервался мой голос и у меня не осталось ни звука, ни дыхания. А потом она наточила нож и сказала невольницам: "Обнажите его!"

И вдруг владыка внушил мне произнести те слова, которые говорила дочь моего дяди и завещала мне сказать. "О госпожа, – воскликнул я, – разве ты не знаешь, что верность прекрасна, а измена дурна?" И, услышав это, она воскликнула и сказала: "Да помилуй тебя Аллах, о Азиза! Да воздаст ей Аллах за ее юность раем! Клянусь Аллахом, она была тебе полезна и при жизни и после смерти и спасла тебя от моих рук при помощи этих слов. Но я не могу отпустить тебя так и непременно должна оставить на тебе след, чтобы причинить горе этой распутнице и срамнице, которая спрятала тебя от меня". И она крикнула невольницам и велела им связать мне ноги веревкой, а затем сказала им: "Сядьте на него верхом!", и они это сделали. И тогда она ушла и вернулась с медной сковородкой, которую подвесила над жаровней с огнем и налила туда масла и поджарила в нем серу (а я был без чувств), и потом она подошла ко мне, распустила на мне одежду и перевязала мои срамные части веревкой и, схватив ее, подала ее двум невольницам и сказала: "Тяните за веревку!" И они потянули, а я потерял сознание, и от сильной боли я оказался в другом, нездешнем мире, а она пришла с железной бритвой и оскопила меня, так что я стал точно женщина. И затем она прижгла место отреза и натерла его порошком (а я все был без памяти), а когда я пришел в себя, кровь уже остановилась.

И женщина велела невольницам развязать меня и дала мне выпить кубок вина, а потом сказала: "Иди теперь к той, на которой ты женился и которая поскупилась отдать мне одну ночь! Да помилует Аллах дочь твоего дяди, которая была виновницей твоего спасения и не открыла своей тайны. Если бы ты не произнес ее слов, я наверное бы тебя зарезала! Уходи сейчас же, к кому хочешь! Мне нужно было от тебя только то, что я у тебя отрезала, а теперь у тебя не осталось для меня ничего. Мне нет до тебя охоты, и ты мне не нужен! Поднимайся, пригладь себе волосы и призови милость Аллаха на дочь твоего дяди!"

И она пихнула меня ногой, и я встал, но не мог идти, и я шел понемногу, пока не дошел до дому и, увидя, что двери открыты, я свалился в дверях и исчез из мира.

И вдруг моя жена вышла и подняла меня, и внесла в комнату, и она увидела, что я стал как женщина. А я заснул и погрузился в сон и, проснувшись, увидел себя брошенным у ворот сада..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать седьмая ночь

Когда же настала сто двадцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал царю Дау-аль-Макану: "И юноша Азиз говорил Тадж-аль-Мулуку: "И когда я веч ал и очнулся, я увидел, что был брошен у ворот сада. Я поднялся, стенаю и охая, и шел, пока не пришел к моему жилищу, и, войдя в него, я нашел мою мать плачущей по мне, и она говорила: "Узнаю ли я, дитя мое, в какой ты земле?" И я подошел и кинулся к ней, а она посмотрела на меня и, узнав меня, увидела, что я нездоров и мое лицо стало желтым и черным.

А я вспомнил о дочери моего дяди и о добре, которое она мне сделала, и уверился, что она меня любила, и заплакал, и моя мать тоже заплакала. "О дитя мое, твой отец умер", – сказала моя мать; и тогда я еще сильнее расстроился и так заплакал, что лишился чувства, а очнувшись, я посмотрел на то место, где сживала дочь моего дяди, и снова заплакал и едва не лишился чувств от сильного плача.

И я продолжал так плакать и рыдать до полуночи; и моя мать сказала: "Твой отец уже десять дней как умер"; а я ответил ей: "Не стану никогда ни о ком думать, кроме дочери моего дяди! Я заслужил все то, что со мной случилось, раз я пренебрег ею, хотя она меня любила". – "Что же с тобой случилось?" – спросила моя мать. И я рассказал ей, что со мной произошло, и она немного поплакала, а затем она принесла мне кое-чего съестного, и я поел немного и выпил, и повторил ей свою повесть, рассказав обо всем, что мне выпало. И она воскликнула: "Слава Аллаху, что с тобой случилось только это и она тебя не зарезала!"

Потом мать принялась меня лечить и поить лекарствами, пока я не исцелился и не стал вполне здоров и тогда она сказала мне: "О дитя мое, теперь я вынесу тебе то, что твоя двоюродная сестра положила ко мне на сохранение. Эта вещь принадлежит тебе, и Азиза взяла с меня клятву, что я не покажу тебе ее раньше, чем увижу, что ты вспоминаешь свою двоюродную сестру и плачешь и что разорвана твоя связь с другою. А теперь я знаю, что эти условия исполнились".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И она встала и, открыв сундук, вынула оттуда лоскут с изображением этой нарисованной газели (а это был тот лоскут, который раньше я подарил Азизе), и, взяв его, я увидел, что на нем написаны такие стихи:

Красавица, кто тебя нас бросить заставил?

От крайней любви к тебе убит изможденный.

А если не помнишь пас с тех пор, как расстались мы,

То мы – Аллах знает то! – тебя не забыли.

Ты мучишь жестокостью, но мне она сладостна;

Подаришь ли мне когда с тобою свиданье?

И прежде не думал я, что страсть изнуряет нас

И муку душе несет, пока не влюбился.

И только когда любовь мне сердце опутала,

Я страсти стал пленником, едва ты взглянула,

Смягчились хулители, увидя любовь мою,

А ты не жалеешь, Хинд, тобой изнуренных.

Аллахом мечта моя, клянусь, не утешусь я,

В любви коль погибну я – тебя не забуду!

Прочитав эти стихи, я горько заплакал и стал бить себя по щекам; а когда я развернул бумажку, из нее выпала другая записка, и, открыв ее, я вдруг увидел, что там написано: "Знай, о сын моего дяди, я освободила тебя от ответа за мою кровь и надеюсь, что Аллах позволит тебе соединиться с тем, кого ты любишь. Но если с тобой случится что-нибудь из-за дочери Далилы-Хитрили, не ходи опять к ней и ни к какой другой женщине и терпи свою беду. Не будь твой срок долгим, ты бы, наверное, давно погиб; но слава Аллаху, который назначил мой день раньше твоего дня. Привет мой тебе. Береги этот лоскут, на котором изображение газели; не оставляй его и не расставайся с ним: этот рисунок развлекал меня, когда тебя со мной не было..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать восьмая ночь

Когда же настала сто двадцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал царю Дау-аль-Макану: "И юноша Азиз говорил Тадж-альМулуку: "Я прочитал то, что написала мне дочь моего дяди, наставляя меня, и она говорила: "Береги эту газель, и пусть она не покидает тебя – она меня развлекала, когда тебя со мной не было. Заклинаю тебя Аллахом, если ты овладеешь той, что нарисовала газель, держись от нее вдали, не давай ей к тебе приблизиться и не женись на ней. Если же она не достанется тебе и ты не сможешь овладеть ею и не найдешь к ней доступа, не приближайся после нее ни к одной женщине. Знай, обладательница этой газели рисует одну газель ежегодно и посылает ее в отдаленнейшие страны, чтобы распространилась весть о ней и о прекрасной ее работе, которую бессильны исполнить жители земли. А к твоей возлюбленной, дочери Далилы-Хитрицы, попала эта газель, и она стала поражать ею людей и показывать ее им, говоря: "У меня есть сестра, которая это вышивает". А она лгунья, раз говорит это, разорви Аллах ее покров!

Вот тебе мое завещание, и я оставляю его тебе лишь потому, что знаю: мир будет для тебя тесен после моей смерти, и, может быть, ты удалишься из-за этого на чужбину и станешь ходить по странам и услышишь о той, что вышила этот образ; и тогда твоя душа пожелает узнать ее, и ты вспомнишь меня, но от этого не будет тебе пользы, и ты узнаешь мне цену только после моей смерти. И знай, что владелица этой газели – дочь царя Камфарных островов и госпожа благородных".

Прочитав этот листок и поняв его содержание, я заплакал, и моя мать заплакала из-за моих слез, и я все смотрел на листок и плакал, пока не пришла ночь. И л провел таким образом год, а через год купцы из моего города снарядились в путь (а это те люди, с которыми я еду в караване). И моя мать посоветовала мне обратиться и поехать с ними: может быть, я развлекусь и уйдет мол печаль. "Расправь свою грудь и брось эту печаль и отлучись на год, два пли три, пока вернется караван, быть может твое сердце развеселится и прояснится твой ум", – сказала она и до тех пор уговаривала меня ласковыми словами, пока я не собрал своих товаров и не отправился с купцами.

А у меня никогда не высохали слезы за все путешествие, и на всякой остановке, где мы останавливались, я развертывал этот лоскут и рассматривал газель на нем, вспоминая дочь моего дяди, и плакал о ней, как ты видишь. Она любила меня великой любовью и умерла в горести из-за меня, так как я сделал ей только зло, а она сделала мне только добро. И когда купцы вернутся, я вернусь вместе с ними, и моей отлучке исполнится целый год, который я провел в великой печали. Мои заботы и горести возобновились еще и оттого, что я проезжал через Камфарные острова, где хрустальная крепость, – а их семь островов и правит ими царь по имени Шахраман, у которого есть дочь Дунья. И мне сказали: "Она вышивает газелей и та газель, которая у тебя, из ее вышивок". И когда я узнал об этом, моя тоска усилилась и я потонул в море размышлений, сжигаемый огнем, и стал плакать о себе, так как я сделался подобен женщине и мне уже не придумать никакой хитрости, раз у меня не осталось той принадлежности, что бывает у мужчин. И с тех пор, как я покинул Камфарные острова, глаза мои плачут и сердце мое печально; я уже долго в таком положении и не знаю, можно ли мне будет вернуться в мой город и умереть подле моей матери, или нет. Я уже насытился жизнью".

И он застонал и зажаловался и взглянул на изображение газели, и слезы побежали и потекли по его щекам, и он произнес такие два стиха:

"Сказали мне многие – придет облегчение.

"Доколе, – я зло спросил, – придет облегчение?"

Сказали: "Со временем". Я молвил: "Вот чудо-то!

Кто жизнь обеспечит мне, о слабый на доводы?"

И сказал слова другого:

"С тех пор как расстались мы, – Аллаху то ведомо,

Я плакал так горестно, что слез занимал я".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сказали хулителі: "Терпи, ты достигнешь их".

"Хулителі, – я спросил, – а где же терпенье?" И вот моя повесть, о царь. Слышал ли ты рассказ диковиннее этого?" – спросил юноша, и Тадж-аль-Мулук крайне удивился, и когда он услышал историю юноши, в его сердце вспыхнули огни из-за упоминания о Ситт Дунья и ее красоте..."

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.